

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 339.9 + 332.1
JEL: F60, R12, R30

Владимир Сиденко

СООТНОШЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ РОСТА ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Проанализированы изменения в соотношении глобализации и локализации экономических процессов в условиях усиления глобальной нестабильности, роста геополитического соперничества и появления и распространения новых глобальных рисков технологического, экологического и биологического происхождения.

Исследование доказывает, что рост глобальных рисков обуславливает модификацию пирамиды потребностей Маслоу в направлении относительного усиления потребностей безопасности – с многообразными последствиями в аспекте территориальной организации экономической деятельности и мобильности. Обосновано, что экспансия глобальных процессов может приводить к чрезмерным уровням концентрации и гомогенизации экономических процессов, подавлению форм самоорганизации на локальном уровне, создавая риски нарушения устойчивости локальных социально-экономических структур. Важным следствием является трансформация глобализационного процесса вследствие значительного усиления региональных и локальных факторов. Этот тренд обуславливает формирование глокализации как двухмерного процесса, в котором сочетаются глобализационные и локализационные тенденции.

Обосновано, что баланс между процессами глобализации и локализации может смещаться в пользу последней вследствие: обострения глобальной конкурентной борьбы за ресурсы и рынки в условиях кардинальных технологических и структурных сдвигов в мировом хозяйстве; усиления международной нестабильности в условиях геополитического противостояния старых и новых центров глобальной силы; недостаточной эффективности глобальных ответов на климатические изменения и пандемии; рисков цифровой виртуальной среды, ведущих к усилению национального и регионального регулирования и фрагментации глобальной цифровой среды; влияния технологий четвёртой промышленной революции в направлении усиления локализационных тенденций относительно глобальных цепей создания стоимости.

Ключевые слова: глобализация, локализация, глокализация, глобальные риски, контрглобализационные тренды, пирамида потребностей, экономическая безопасность.

Сиденко Владимир Романович (v_sidenko@ukr.net), д-р экон. наук, чл.-корр. НАНУ; научный консультант по экономическим вопросам Украинского центра экономических и политических исследований имени Александра Разумкова, главный научный сотрудник ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины". ORCID 0000-0002-4195-5351.

Исследование выполнено в рамках НИР "Экономические противоречия глобализации и локализации формы движения и решения" (2021–2023 гг.).

*Цитирование: Сиденко В. Р. Соотношение глобализации и локализации экономических процессов в условиях роста глобальных рисков. *Экономическая теория*. 2021. № 3. С. 72–91.*

© В. Сиденко, 2021

THE CORRELATION OF GLOBALIZATION AND LOCALIZATION OF ECONOMIC PROCESSES IN THE CONTEXT OF GROWING GLOBAL RISKS

Sidenko Volodymyr (v_sidenko@ukr.net), Dr. econ. sciences, Corresponding Member NASU; scientific consultant on economic issues of the Ukrainian Centre for Economic and Political Studies named after Oleksandr Razumkov (Razumkov Centre), chief researcher at the Institute of Economics and Forecasting of the National Academy of Sciences of Ukraine. ORCID 0000-0002-4195-5351

The article analyses changes in the correlation between globalization and localization of economic processes in the context of increasing global instability, growing geopolitical rivalry and the emergence and spread of new global risks of technological, ecological and biological origin.

The study proves that the growth of global risks leads to a modification of Maslow's hierarchy of needs towards a relative accentuation of security needs - with diverse consequences in terms of the territorial organization of economic activity and mobility. It substantiates that the expansion of global processes can lead to excessive levels of concentration and homogenization of economic processes, suppression of forms of self-organization at the local level, and creating risks of disrupting the stability of local socio-economic structures. An important consequence is the transformation of the globalization process due to a significant intensification of regional and local factors. This trend determines the formation of glocalization as a two-dimensional process in which globalization and localization trends are combined.

The author postulates that the balance between the processes of globalization and localization can shift in favor of the latter due to: the exacerbation of the global competition for resources and markets in the context of cardinal technological and structural shifts in the world economy; increasing international instability amid geopolitical confrontation between old and new centers of global power; insufficient effectiveness of global responses to climate change and pandemics; risks of the digital virtual environment leading to increased national and regional regulation and fragmentation of the global digital environment; and the impact of technologies of the Fourth Industrial Revolution in the direction of strengthening localization trends in relation to global value chains

Key words: globalization, localization, glocalization, global risks, counter-globalization trends, hierarchy of needs, economic security.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 годов стал поворотным моментом, который обозначил начало периода усиления контрглобализационных тенденций в развитии мирового хозяйства. В широком смысле они обусловлены кризисом самой модели неолиберальной глобализации, которая наряду с несомненными выигрышами принесла с собой небывалое обострение глобальных противоречий, дисбалансов и асимметрий. Прямым следствием последних стало значительное снижение устойчивости экономик стран мира и целых региональных образований (например, Европейского Союза) к действию глобальных шоков, усилению процесса неравномерности социально-экономического развития и росту социального неравенства, общему усилению экономических и политических противоречий между странами мира и их группировками.

Всё очевиднее неадекватность действий ведущих мировых экономических институтов, которые, несмотря на некоторую полезность их деятельности в отдельных сферах, в общем проявляют неспособность системно решать вопросы эффективной гармонизации национальных и региональных интересов, предотвращать нарастание глобальных рисков и противоречий, побуждают многих интеллектуалов и политических деятелей к поиску альтернативы устаревшей модели глобализации, а некоторых из них – наиболее радикальных – к объявлению наступления периода деглобализации. Однако

для большинства исследователей и причастных к формированию политики главное направление поисков заключается в нахождении способов гармонизации процессов глобализации и локализации (включая и процессы регионализации), их рациональной комбинации на качественно новой основе.

Это требует обновления концептуальных основ анализа мировой экономики и национальной экономической политики, который должен фундаментально осмыслить и инкорпорировать в экономические теории все те новейшие тренды развития, которые появились и усилились в последние два десятилетия. Речь идёт, по сути, о *выработке нового концепта глобализации*, который был бы *органично совместим с принципами локального (регионального) социально-экономического развития*.

За последние четыре десятилетия в мире издано огромное количество работ, посвящённых процессу глобализации или тому, как глобализация влияет практически на все сферы жизни человечества. Глобализация стала действительно доминирующим нарративом, на фоне которого отдельные исследования, посвящённые радикальной критике глобализации как таковой, выглядели скорее как эксцентричное отступление от тренда. Именно в рамках указанного миноритарного течения формировались альтернативные взгляды, которые базировались на неприятии гипертрофии глобализационного процесса. Эти альтернативные взгляды были достаточно разнообразными и варьировали от радикального отрицания глобализации и отставания приоритета локальных форм организации экономики к поиску синтеза глобализационных и локализационных тенденций.

Показательными примерами первого (радикального антиглобализационного) подхода является исследование М. Н. Shuman (1998), E. Goldsmith и Mander J. (2003) и особенно С. Hines (2000), который провозгласил глобализацию проблемой, а локализацию – решением этой проблемы¹. Исследователи этого направления основываются на методологических взглядах Е. Ф. Schumacher (1973/1993), аргументировавших малые формы организации экономики.

А второе направление основал R. Robertson (1992), который дал толчок распространению концепта глокализации и развивал эти идеи в достаточно длинной череде своих дальнейших публикаций (2012, 2013 и др.). Эти идеи получили дальнейшее (и довольно дискуссионное) развитие в работах других исследователей, среди которых Z. Bauman (1997), G. Ritzer (2003, 2004/2006), E. Swyngedouw (2004), H. Khondker (2005), М. Шинковский (2007), V. Roudometof (2016a, 2016b).

В Украине вопросом соотносительности глобализационного (глобального) и локализационного (локального) внимание до сих пор почти не уделялось: есть только спорадические публикации по этому поводу, которые мимоходом касаются этой проблематики, не рассматривая её комплексно и в динамике. Единственным исключением в этом ряду является исследование А. Олейника (2010а) и его диссертационная работа, посвящённая анализу глокализации как социокультурного феномена (2010b).

¹ В своей известной книге под красноречивым названием "Локализация: глобальный манифест" автор постулирует локализацию как "процесс, который разворачивает назад (reverses) тренд глобализации путём дискриминации в пользу локального", причём "в зависимости от контекста "локальное" определяется преимущественно как часть национального государства, хотя в отдельных случаях это может быть само национальное государство как таковое или даже региональная группировка национальных государств" (с. 4-5). Глобализация рассматривается в рамках этой концепции как "делокализация" (с. 7).

Цель этой статьи заключается в определении причин и направлений изменений в соотношении глобализационных и локализационных трендов в условиях роста глобальных рисков под влиянием комплекса факторов комбинированного (естественного и социального) происхождения и выявление возможностей согласования процессов глобализации и локализации в рамках тренда глокализации.

**Глобальные факторы безопасности,
влияющие на "контрглобализационные" тренды**

Развитие человеческого общества и его экономики опирается на потребности людей, имеющих свойство меняться вместе с технологическими возможностями человечества в меру познания им окружающего мира и осознания своей сущности. Одним из базовых научных представлений в мире стало понимание процесса диверсификации и качественного роста потребностей в процессе развития, которое в широко доступной форме представил известный американский психолог А. Маслоу – автор т.н. "пирамиды потребностей Маслоу"². В этой иерархии потребностей Маслоу на втором уровне снизу, как известно, были потребности безопасности (safety needs), а более глубокими базовыми потребностями выступали только физиологические потребности человека. В то же время общераспространённое понимание прогресса человеческого общества основывается на том, что люди, удовлетворяя базовые потребности, переходят к потребностям более высокого уровня, а на вершине этой пирамиды (в её современном понимании) стоят, по концепции Маслоу, потребности самовыражения (self-actualization) и трансцендентности (transcendence), или другими словами – духовные потребности. И хотя эта иерархия подвергалась неоднократной, многообразной и вполне справедливой критике за своё упрощение представлений о чрезвычайно сложном феномене и лишней схематизм, она в целом играет в известной степени полезную роль в аспекте осознания иерархичности структуры и эволюционности процесса усложнения потребностей человеческого общества.

Логика, заложенная в пирамиду потребностей Маслоу, имеет одну очень важную особенность: она утверждает, с одной стороны, невозможность достижения реализации потребностей самовыражения и трансцендентности, предварительно не реализовав потребности материальные и безопасности, а с другой стороны, даёт посыл о том, что в обществах, достигших высокого уровня ориентации на потребности высшего уровня, первичные потребности будут иметь относительно меньшее значение. *Оба эти посыла являются ошибочными*, поскольку первый из них отражает сугубо западную философию прагматизма, ориентированную на материальное благосостояние и тесно связанную с инстинктом собственности: он игнорирует возможность существования другой иерархии ценностей в незападных цивилизациях. А неадекватность второго посыла вскрыли реальные противоречивые тенденции мирового развития.

Логика построения концепции Маслоу стала давать сбои в сложный и крайне противоречивый период развития современного мира, который наступил в XXI веке вслед за апогеем глобализационного процесса в 1990-х годах. Непрерывная череда глобальных кризисных процессов и вызовов безопасности, характеризующая последние два десятилетия мирового раз-

² Впервые предложенная в публикации 1943 года (Maslow, 1943). Впоследствии развита в (Maslow, 1954), а также ряде более поздних работ, которые привели к дифференциации структуры потребностей, включённых в эту пирамиду.

вития, о которых подробнее пойдёт речь дальше, существенно влияет на ценностные структуры человеческой цивилизации, ведёт к своеобразной "переоценке ценностей" (выражаясь языком книги Диогена). И этот процесс влечёт модификацию соотношений в рамках упомянутой иерархии потребностей Маслоу, порождая в некоторой степени *реверсивные, нисходящие* тренды – в направлении упрощения потребностей.

При этом снова *на первый план начали выходить вопросы международной и глобальной безопасности*, которые с начала 1970-х годов прогрессивно уменьшали своё дестабилизирующее влияние вследствие сначала процесса разрядки международной напряжённости и заключения договоров по ограничению гонки вооружений, а впоследствии – в результате распада Советского Союза и социалистического лагеря государств и исчезновение одного из субъектов геополитического соперничества двух разных социально-экономических систем. Но исчезновение этого фактора глобальной нестабильности было замещено рядом новых факторов, среди которых главная роль принадлежит пяти приведённым ниже.

Во-первых, глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 годов, который оказался самым глубоким со времён Великой депрессии и породил длинный шлейф нестабильности в среде наиболее богатых стран мира (в том числе в зоне евро), существенные осложнения в развитии многих регионов развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, поставил под сомнение многие постулаты неоллиберальной глобальной экономики, которые в 1990-е годы приобрели характер универсальных. Кризис экономический стал толчком для углубления кризиса интеллектуального, и не случайно появился и получил популярность термин "новая нормальность" – как, по сути, признание неадекватности наших традиционных представлений о мировом экономическом развитии, сформированном доминирующим после Второй мировой войны неоллиберальным мейнстримом экономикс. При этом одним из важных аспектов указанного концептуального кризиса и начала переосмысления ряда неоклассических постулатов *стало признание специфичности локального проявления общих закономерностей экономического развития*, поливариантности возможных моделей развития в зависимости от региональных или локальных условий³. Но одновременно этот процесс стимулирует нарастание конфликтности, которая вытекает из различий в системах ценностей и критериях политических оценок. *Поиск странами и регионами своего собственного пути развития создаёт или обостряет риски безопасности*, поскольку ведёт к разрушению старых порядков и обычных международных институциональных структур.

Во-вторых, два десятилетия XXI века стали годами растущего укрепления *альтернативного центра глобальной силы*⁴, образовавшегося в регионе Восточной Азии и лидером которого всё отчетливее выступает Китай. В сочетании с попытками России возродить свою глобальную роль (пока что в основном в военно-политической плоскости) это стало тригге-

³ Неслучайно известный неортодоксальный американский экономист Д. Родрик опубликовал одну из своих книг под названием "Одна экономика – много рецептов" (*Rodrik*, 2008).

⁴ Развёрнутый научный анализ содержания понятия "экономическая сила", его форм, структуры и тенденций процесса получения экономической силы проведён А. А. Чугаевым (2017).

ром значительного обострения глобального геополитического (геостратегического) соперничества, которое не только повернуло вспять – на качественно новом уровне – почти ничем не ограниченную гонку вооружений, но и существенно "обогастило" арсенал средств глобального соперничества за счёт различных инструментов т.н. "гибридной войны" – с активным использованием различных новейших информационно-коммуникативных, торгово-экономических, социально-психологических технологий воздействия на соперника. Обострение этого соперничества, включающего в себя обострение глобального соперничества за ресурсы и рынки, распространяется на всё новые и новые сферы, особенно связанные с новейшими технологиями⁵. Это ведёт к беспрецедентному нарастанию глобальных рисков безопасности и, как следствие, *ставит под сомнение самый концепт глобализации*, реальную эффективность многих глобальных действующих и предлагаемых механизмов – по крайней мере на ближайшие годы, поддающиеся прогнозированию.

В-третьих, период конца 2019 – начала 2020 года, кажется, положил начало в мире новому этапу *растущей биологической опасности*, связанной с глобальной циркуляцией новейших вирусов. Пандемия COVID-19 уже обусловила огромные потери в ряде отраслей, органически связанных с человеческой мобильностью, и вызвала значительные структурные изменения в экономике. И последние дискуссии по этой проблематике, которые, в частности, состоялись в рамках авторитетных мировых форумов "Global Solutions 2021"⁶ и форумов в рамках аналитической подготовки к саммиту G20 в Италии⁷, свидетельствуют о том, что рядом авторитетных специалистов нынешняя пандемия воспринимается не как единичный случай, а как *звено в цепи дальнейших глобальных биологических вызовов человечеству*. Если этот прогноз сбудется, то это *будет предопределять кардинальный структурный сдвиг в сторону более локальных форм организации экономической деятельности* – с целью минимизации рисков и потерь, связанных с повышенной мобильностью. Так, пандемия уже создала беспрецедентные возможности развития для бизнеса в виртуальной цифровой среде, что существенно ускорило формирование новой *"малоконтактной экономики"* ("low touch economy")⁸.

⁵ Очень показательным примером нарастания глобального соперничества в этой сфере является сфера производства полупроводников, имеющая ключевое значение для современных цифровых технологий и где Китай приобретает всё более мощные позиции в мире. См.: ISPI (June, 08 2021). Dossier: Semiconductors: The Global Race For Technology Leadership / Davide Tentori and Alberto Guidi. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/semiconductors-global-race-technology-leadership-30700/>

⁶ Global Solutions Summit May 27-28, 2021, URL: <https://www.global-solutions-initiative.org/events/summit/summit-2021/>

⁷ Think 20 Italy 2021. People, Planet and Prosperity: The Global Policy Forum, 22–23 June, 2021, URL: <https://events.ispionline.it/en/global-policy-forum/>

⁸ Board of Innovation (2020a). The New Low Touch Economy. How to navigate the world after COVID-19: Report. <https://info.boardofinnovation.com/hubfs/Innovate%20low%20touch%20economy.pdf>; Board of Innovation (2020b). The Winners of the Low Touch Economy. How companies can recover and grow in the new normal: Strategy Report. <https://www.boardofinnovation.com/low-touch-economy/>

По оценкам компании Capgemini (2020)⁹, пандемия и связанные с ней разрывы в экономической среде привели к *масштабной переоценке глобальных стратегий*: около 2/3 из 1 тыс. исследованных (в августе-сентябре 2020 г.) организаций считали, что их стратегии относительно цепей поставок (supply chain) должны существенно измениться с целью адаптации к "новой нормальности" постковидного мира, причём в Швеции и Норвегии доля таких компаний достигает 69%, Франции и Испании – 73%, Китае – 74%. Такое изменение представлений стало прямым следствием того, что от 67 до 74% опрошенных компаний имели те или иные существенные проблемы в своей деятельности, связанные с функционированием цепей поставок в условиях COVID-19, в т.ч. 69% – трудности с планированием поставок, связанные с недостаточностью информации о влиянии пандемии на поставщиков, а также с балансировкой распределения запасов, 74% – дефицит критически важных частей и материалов, задержки в их поставках.

А по данным IBM Institute for Global Value¹⁰, полученным в результате опроса высших руководителей 500 компаний в разных странах мира, в корпоративной стратегии расположения бизнеса (location strategy) на первые места в результате пандемии, наряду с факторами привлечения клиентов и разработкой продуктов / услуг, выходят такие факторы, как управление рисками предприятия, обеспечение непрерывности бизнеса, устойчивость цепи поставок, безопасность и экологическая устойчивость. Бывшие стратегии размещения, базировавшиеся на величине расходов и факторе качества, больше не являются действенными.

В-четвёртых, в мире наблюдается *чрезвычайное обострение глобальных проблем окружающей среды, прежде всего опасное изменение климата*. Экологические проблемы в целом становятся, по признанию международных экспертов, главной угрозой безопасному существованию человечества. Неслучайно в специальном докладе Всемирного экономического форума в Давосе по вопросам глобальных рисков (*The Global Risks Report*), который ежегодно выпускается на протяжении уже 15 лет, констатируется растущее доминирование именно экологических рисков (неудачи в сфере климатической политики, потеря биоразнообразия, кризис обеспечения природными ресурсами, нанесение вреда среде обитания людей, экстремальные погодные явления) – как по вероятности наступления, так и потенциальной величине разрушительного влияния¹¹. Безусловно, кардинальные негативные экологические, и прежде всего климатические, изменения будут существенно модифицировать возможности экономического развития, вызывая, в частности, существенное со-

⁹ Capgemini Research Institute (2020). *Fast Forward: Rethinking Supply Chain Resilience for a Post-COVID-19 World*. 44 p. URL: <https://www.capgemini.com/it-it/research/fast-forward/>

Capgemini является одним из глобальных лидеров в области бизнес-консультирования, цифровых преобразований, развития технологий и оказанию инженеринговых услуг.

¹⁰ IBM Institute for Global Value (2020). *Global Location Trends: 2020 Special Edition: Location strategy in a post-COVID-19 world*. 26 p., URL: <https://www.ibm.com/thought-leadership/institute-business-value/report/global-location-trends-2020/>

¹¹ World Economic Forum (2020). *The Global Risks Report 2020*, Figure II: The Global Risks Landscape 2020.

World Economic Forum (2021). *The Global Risks Report 2021*, Figure II: The Global Risks Landscape, URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020/>; <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2021/>

крашение и полную ликвидацию отдельных производств в рамках процесса декарбонизации экономики и создавая широкий простор для становления и развития новых технологических комплексов, которые будут функционировать на основе соблюдения принципов устойчивого развития, в т.ч. т.н. экономики замкнутого цикла (*circular economy*). И учитывая асимметричное проявление различных последствий экологического плана, их специфичность в разных частях мира, решение этих проблем будет требовать *органичного сочетания глобальных и локальных подходов* при тенденции к относительному росту роли последних.

В-пятых, развёртывание в мире *четвёртой промышленной революции* на основе сочетания цифровых технологий, био- и нанотехнологий, предопределяет и всё больше будет определять кардинальные технологические и структурные сдвиги в мировом хозяйстве¹². Эти сдвиги будут носить, наверное, неоднозначный характер в аспекте пространственных параметров экономического развития. Создавая определённые основания для осуществления глобализованных форм деятельности, чему особенно будут способствовать новейшие ИКТ, технологии 4.0 будут распространяться крайне асимметрично, вызывая *расщепление мировой экономики на секторы разного уровня технологичности* и создавая во многих регионах *зоны деградации*, которые будут возникать в результате потери своих традиционных рынков и, по сути, "выпадения из современности". Это не может не обострять противоречий между отдельными государствами и регионами мира и может, если не будут приняты соответствующие контрмеры, выступать дестабилизирующим фактором, фактором повышения глобального риска.

Указанные пять "*контрглобализационных*" трендов, которые не являются автономными, а взаимодействуют и усиливают друг друга, и каждый из которых имеет прямое существенное влияние на национальную безопасность стран мира, только на первый взгляд могут выглядеть как экзогенные феномены относительно процесса глобализации. На самом деле, между ними и глобализационным процессом существуют *внутренне обусловленные* связи и зависимости.

Процесс неолиберальной экономической глобализации, главной движущей силой которой с 1970-х годов выступали транснациональные корпорации (ТНК), предусматривал в качестве ключевых компонентов разрушение экономических барьеров на пути движения товаров, услуг и капитала и образование в ряде секторов глобальных рынков, подчинённых логике развития и экспансии глобального капитала. Существование таких глобализованных рынков и необходимости стандартизации бизнес-процессов (с целью повышения эффективности расходов и увеличения доходов) диктовало, со своей стороны, необходимость долгосрочной стандартизации и унификации способов организации экономики в ключевых секторах¹³, которые последовательно реализовывались ведущими государствами и глобальными институтами (МВФ, Всемирный банк, ВТО, ОЭСР и др.). И хотя такая деятельность имела определённый положительный эффект для роста международных инвестиций и стимулирования повышения долгосрочных темпов экономического роста в большинстве

¹² Эти вопросы рассматриваются в многочисленных публикациях, в т.ч. Sidenko (2018).

¹³ Это характерное свойство неолиберальной глобализации выравнять условия деятельности по всему миру получило символическое выражение в виде идеи плоскости мира, которая была предложена в популярной книге Т. Фридмана (*Friedman, 2005*).

регионов мира в течение нескольких десятилетий, со временем выявились и её негативные побочные последствия.

Выяснилось, в частности, что *экспансия глобальных процессов может приводить к угнетению форм самоорганизации на локальном уровне*, вызывать чрезмерные уровни концентрации и гомогенизации экономических процессов, может создавать эндогенные риски в аспекте экономической безопасности из-за нарушения устойчивости локальных социально-экономических структур.

Процессы глобализации опирались на всемирное распространение мании потребления (сверхкрупным структурам по производству товаров и услуг должны соответствовать сверхкрупные потенциалы их потребления в разных частях мира), а гипертрофия потребления предопределяла всё большее расходование природных ресурсов, существенно дестабилизируя окружающую среду. Процесс стандартизации охватил и "выравнивание" потребительских вкусов в отношении товаров и (особенно) некоторых услуг, что обусловило нивелирование процессов формирования национальных культур и в целом мощный тренд к культурному упрощению. Самореализация человека стала всё больше ассоциироваться с его материальным состоянием и наличием у него престижных вещей, возможностями элитарного досуга, а вовсе не с потребностями духовной самореализации (как это предусматривала формула пирамиды Маслоу). Сама сфера культуры, становясь всё более массовой, стала объектом всеобъемлющей коммерциализации с целью получения высоких прибылей.

Предпосылки саморазрушения неолиберальной глобализации

Непрерывная череда неблагоприятных глобальных событий, начиная от глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и до коронакризиса 2019–2021 гг., обнаружила всю *несостоятельность и бесперспективность модели неолиберальной глобализации*, в результате чего *эта модель начала саморазрушаться*.

Эмпирическим подтверждением последнего тезиса является то, что в последние годы проявился выразительный нисходящий тренд в международных инвестициях. Если в 2016 году годовые объёмы притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) составляли в мире более 2 трлн долл. США, то всего четыре года спустя (2020 г.) они сократились более чем вдвое – до 999 млрд долл., то есть до уровня, который на 20% ниже годового уровня инвестиций в период выхода в 2009 году из глобального финансово-экономического кризиса и ниже уровня 2005 года¹⁴. Этот впечатляющий спад носит глубинный характер и отражает исчезновение ключевого свойства, когда рост торговли длительное время опережал рост ВВП, а темп роста международных инвестиций был выше темпа роста международной торговли. Напротив, падение международных инвестиций в период коронакризиса стало существенно опережать сокращение оборотов торговли и ВВП.

Эти новые тренды в значительной степени связаны с существенным усилением национального регулирования международных инвестиций. Если ещё несколько лет назад распределение мероприятий национальной политики в отношении международных инвестиций было явно в пользу мероприятий по либерализации инвестиционных режимов, то сейчас ситуация меняется. Лишь 59% всех мероприятий национальной инвестиционной политики в 2020 году были направлены на стимулирование иностранного инвестирова-

¹⁴ UNCTAD (2021). *World Investment Report 2021: Investing in Sustainable Recovery*. Geneva: United Nations, 2021. P. 2.

ния, тогда как 41% (рекордно высокий показатель за все годы наблюдений) – на их ограничение или регулирование: их общее количество в 2020 году выросло более чем вдвое, причём главным драйвером стали соображения внедрения механизмов скрининга на предмет соблюдения национальной безопасности в т.н. чувствительных секторах¹⁵.

Как следствие, в мире всё чаще говорят о процессе *деглобализации* как процессе уменьшения экономической взаимозависимости. Эти соображения стали настолько распространёнными, что даже получили своё закрепление на уровне соответствующего теоретического концепта в "Википедии"¹⁶. Этот концепт прорабатывается и в целом ряде фундаментальных научных исследований, опубликованных в последние годы (*Bergeijk van, 2010; García-Herrero and Tan, 2020; Balsa-Barreiro et. al. 2020*).

Но такие оценки, скорее всего, слишком категоричны. Следует подчеркнуть, что многими исследователями нынешний процесс рассматривается не столько как действительно устойчивый деглобализационный тренд, сколько как эволюция *самого процесса глобализации* (см., например, *Palanivelu, 2020*).

Несмотря на замедление движения глобального капитала, нет оснований считать, что он теряет свою роль ведущего структурообразующего фактора, ведь всё ещё продолжает сильно влиять на динамику и характеристики развития национальных экономик. Не уменьшается и роль разного рода глобальных сетей, хотя они модифицируются и в растущей степени *виртуализируются*.

Следует отметить, что ещё в 2005 году уже упомянутый Т. Фридман обосновал идею *глобализации 3.0*¹⁷, считая, что этот процесс, начавшийся около 2000 года, уменьшает мир от маленького до крошечного размера и одновременно сглаживает игровое поле, причём динамичной силой в глобализации 3.0 являются отдельные люди и небольшие группы, а не государства или компании (*Friedman, 2005*). Известный швейцарский экономист Ричард Болдуин, продолжая эту линию анализа, уже предусматривает наступление *глобализации 4.0*, которая, по его мнению, будет связана с Великой конвергенцией (*The Great Convergence*) (*Baldwin, 2016*).

Безусловно, снятие технологических и экономических препятствий на пути человеческих контактов может быть мощным фактором конвергенции. Однако этот концепт выглядит несколько абстрактным и не учитывает многих препятствий, которые обусловлены описанными выше контрглобализационными факторами.

Глокализация как компромисс между процессами глобализации и локализации

Учитывая сказанное выше, возникает необходимость *поиска компромисса между процессами глобализации и локализации*, формирования их своеобразного синтеза. И в этой связи будет актуализироваться концепция *глокализации* – как концепция синтеза процессов глобализации и локализации, "одновременного возникновения как универсальных, так и конкретных тенденций в современных общественных, политических и экономических

¹⁵ Ibid. P. XI.

¹⁶ Wikipedia (2021). *Deglobalization*. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Deglobalization>.

¹⁷ Глобализация 1.0 (1492 до 1800 гг.), по идее Т. Фридмана, сократила мир от большого до среднего размера, и динамичной силой той эпохи были страны, которые глобализовались в борьбе за ресурсы и имперское завоевание. Глобализация 2.0 (1800–2000) сократила мир от среднего до маленького размера, и его возглавили компании, которые глобализируются для доступа к рынкам и рабочей силе.

системах" (*Britannica Online Encyclopedia*)¹⁸. В широкой трактовке термина указанным источником, которую поддерживает и автор этого исследования, тенденции к однородности и централизации появляются *наряду* с трендами неоднородности и децентрализации. В такой трактовке существует *органическая взаимосвязь глобального и местного уровней*, когда локальные пространства формируются, а локальные идентичности создаются одновременно и глобализированными контактами, и местными обстоятельствами.

Сам термин "глокализация" не является новым: он был введён в научный оборот благодаря социологу Роланду Робертсону (*Roland Robertson*) в его публикации почти 30 лет назад (*Robertson, 1992. P. 73–174*)¹⁹. Но ещё раньше понятие глокализации возникло в чисто экономическом смысле²⁰, когда речь шла прежде всего о дихотомии глобализирующегося предложения и локальной специфики спроса и организации рынка. Именно этот аспект акцентируется и сегодня более узкими, чисто маркетинговыми определениями указанного термина²¹, которые сохраняют свою релевантность в качестве бизнес-концептов.

Однако постепенно исследователи начали расширять содержание понятия глокализации, придавая ему более комплексное социально-экономическое звучание. Но несмотря на то, что он широко распространён в научных дискуссиях, его трактовки достаточно отличаются, а иногда и прямо конфликтуют (см. таблицу), а следовательно, пока нет оснований говорить об уже сложившейся теоретической базе этой концепции, которая претендовала бы на всеобщее признание.

Таблица

Трактовки феномена глокализации в научной литературе

Автор	Год	Источник	Элементы содержания концепции автора
Р. Робертсон (<i>Roland Robertson</i>)	1992	Globalization: Social Theory and Global Culture 1992.	Глобальное существует внутри локального, пронизывает его. Глобализация реализуется (проявляется) через множественные конкретные локальные формы.
	1994/2012	Globalisation or glocalisation? (<i>Robertson, 1994/2012</i>).	Глобализация влечёт за собой партикуляризацию универсального и универсализацию партикулярного. В общем глокализация выступает как проявление глобализации
	2013	Situating glocalization: a relatively autobiographical intervention (<i>Robertson, 2013</i>)	Глобализация ведёт к образованию различных анклавов, отделённых от окружающей социальной среды и соединённых с уда-

¹⁸ Glocalization. Britannica Online Encyclopedia, URL: <https://www.britannica.com/topic/glocalization/>

¹⁹ См. также Robertson (2012) как обновлённую версию точки зрения 1994 года по этому поводу, излагающую основные элементы этой концепции.

²⁰ Р. Робертсон (1992) отмечал, что истоки этого термина достигают японской практики национальной адаптации "дочакука" – "укоренять что-то" (making something indigenous).

²¹ Так, "Инвестопедия" определяет процесс глокализации значительно уже – как компонент глобальной маркетинговой стратегии, когда "продукт или услуга, которые разработаны и распространены во всём мире, одновременно адаптируются в соответствии с требованиями пользователя или потребителя на местном рынке" (*Investopedia. Glocalization, URL: https://www.investopedia.com/terms/g/glocalization.asp/*).

Автор	Год	Источник	Элементы содержания концепции автора
			лётными локациями. Она влечёт за собой не только создание новых элементов интеграции, но и систематическую фрагментацию созданных ранее социальных единиц и групп, превращаясь таким образом в глокализацию
Дж. Ритцер (George Ritzer)	2003	Rethinking Globalization: Glocalization/Globalization and Something/Nothing (Ritzer, 2003)	Определяет глокализацию как "взаимопроникновение глобального и локального, которое даёт уникальные результаты в различных географических ареалах"
	2004 / 2006	<i>The Globalization of Nothing</i> (Ritzer, 2004/2006)	Утверждает дуалистический подход. Глобализация рассматривается как широкий процесс, который охватывает большие субпроцессы – глокализацию и "гробализацию" ("grobalization"), вторая из которых отражает стремление наций, корпораций, организаций навязывать себя в различных географических локациях и может выступать под разными названиями – капитализма, колониализма, неоколониализма, вестернизации, американизации, маكدональдизации (McDonaldization), Диснеезации (Disneyization) и др. Формируется континуум, который существует в пределах от "глокализации" на одном конце к "гробализации" – на другом. Всё, что относится к глобализации, расположено между этими двумя полюсами, являющиеся "идеальными типами", которые в чистом виде практически не встречаются. Глобальные явления – это смесь (mix) глокального и "гробального". "Гробальное" подавляет и уничтожает "локальное", интегрируя в свою структуру его остатки. В отличие от позиции Р. Робертсона, считает, что глобальное и локальное, взаимоисключаясь, не могут сосуществовать и существовать внутри друг друга. Локальное пересекается с глобальным, и этим пересечением является "глокальное", но "глокальное" не является реально локальным, так как при таком пересечении локальное необратимо теряет свои свойства. Следовательно, распространение глобализации означает конец локального
Х.Х. Хондкер (Habibul Ha-	2005	Globalisation to Glocalization: A Conceptual	Глокализация является усложнённой версией глобализации

Автор	Год	Источник	Элементы содержания концепции автора
que Khondker)		Exploration (Khondker, 2005). Анализирует опыт глобализации в Восточной Азии, в частности в Сингапуре и Малайзии	(sophisticated version of globalisation). Она означает смешивание и адаптацию двух или более процессов, один из которых должен быть локальным - представлять развитие местной культуры, системы ценностей и практик. Разнообразие является сущностью социальной жизни. Глобализация не стирает всех различий. Автономность истории и культуры создаёт ощущение уникальности опыта, накопленного группами людей, независимо от того, как они определяются – как культуры, общества или нации. Глокализация лишает нас боязни, что глобализация, подобно приливной волне, смывает все различия. Глокализация не освобождает мир от конфликтов и напряжения, но предоставляет лучшее и прагматическое понимание, основанное на историческом опыте, относительно сложного характера развития мира. Глобализация не обязательно означает вестернизацию. Эффективность глокализации как осознанной политики развития
Э.Свингедоув (Erik Swyngedouw)	2004	Globalisation or 'glocalisation'? Networks, territories and rescaling (Swyngedouw, 2004).	Считает, что процесс глобализации следует переделать как процесс глокализации, поскольку превалирование "глобального" в большей части литературных источников и политической риторики затмевает и маргинализирует интенсивную и продолжающуюся "социально-пространственную борьбу (socio-spatial struggle), в которой ключевой ареной является переконфигурация пространственного масштаба" (с. 25). Глокализация "принадлежит к двойному процессу (twin process), с помощью которого, во-первых, институциональные / регуляторные механизмы смещаются как вверх от национального уровня до наднационального или глобального уровней, так и вниз до масштабов отдельного индивида или до местных, городских или региональных конфигураций и, во-вторых, экономическая деятельность и межфирменные сети одновременно становятся всё более локализованными / регионализованными и транснациональными"

Автор	Год	Источник	Элементы содержания концепции автора
В. Рудометов (Victor Roudometof)	2016	<i>Glocalization: A Critical Introduction</i> (Roudometof, 2016a). <i>Theorizing glocalization: Three interpretations</i> (Roudometof, 2016b)	<p>Выступает с идеей аналитической автономности концепции "глокализация" относительно понятий "локальный" и "глобальный".</p> <p>Строит свою концепцию на двух столпах: 1) понимании глобализации как процесса, который распространяется волнами; 2) использовании понятия рефракции волн для понимания бинарности "глобальное-локальное". Исходя из этого, глокализация предстаёт как глобализация, которая испытывает рефракцию при прохождении сквозь локальное. Локальное при этом не исчезает, не поглощается и не уничтожается глобализацией, но оперирует симбиотически с глобализацией и формирует конечное состояние или результат (гр. <i>telos</i>).</p> <p>Проходя сквозь локальные среды, глобализация "излучает" целый спектр различий: гетерогенность становится конечным состоянием глобализации и образуется "множество глокальностей", в которых смешаны глобальное и локальное.</p> <p>Указывает на способность локальных сред модифицировать или изменять волны, которые проходят сквозь них, порождать мутации, изменения или разломы в том, что внедряется извне. Поэтому глокальность обуславливает образование и распространение гибридности и культурного плюрализма.</p> <p>Процесс селективного усвоения глобальных влияний в локальной среде (нации, регионе и др.) определяется плотностью этой среды в культурном, институциональном, политическом или военном аспектах. Это актуализирует возможность существования алломорфизма вместо глобального изоморфизма, строящегося на гомогенизированной культурной модели</p>

Источник: составлено автором.

Последняя из приведённых в таблице позиций выглядит наиболее глубоко проработанной в аналитическом плане концепцией, которая не просто постулирует определённые зависимости, а пытается очертить механизмы, формирующие динамические процессы формирования глокальности и их вариации в зависимости от конкретных сфер проявления.

Следует отметить, что генерализация понятия "глокализация" может создавать потенциальную опасность чрезмерных обобщений, когда будет игнорироваться специфика формирования и развития глокальности в различных сферах жизнедеятельности. Стоит подчеркнуть, что глобализационный процесс в сфере экономики протекает во многих измерениях несколько иначе, чем в сфере политики или социокультурной сфере. Ведь именно экономические мотивации к глобальной гомогенизации являются наиболее мощными, тогда как, например, в сфере культуры они определённее меньше, хотя и существенно укрепились прежде всего вследствие растущей коммерциализации современной массовой культуры (западной, а точнее – англосаксонской в своей основе).

В экономической сфере длительное время тенденция к гомогенизации ассоциировалась с идеей создания однородного рыночного поля с одинаковыми правами у его субъектов (англ. *level playing field*). Оно рассматривалось как бесспорная предпосылка для полноценной рыночной конкуренции, а через неё – и для инноваций и экономического развития в целом. В значительной степени эти рассуждения опирались на существующие эффекты от увеличения масштаба (*economy of scale effect*), которые существенно влияют на уровни эффективности производства и инвестиций, и эти влияния особенно значимы в сфере производства товаров с высоким содержанием добавленной стоимости и значительным уровнем затрат на исследования и разработки. Таким образом, императив глобальной гомогенизации опирался на определённую небезосновательную экономическую аргументацию, которая в свою очередь учитывала приоритетность базовых материальных потребностей, лежащих в основе "пирамиды Маслоу".

Именно исходя из этого можно было наблюдать тот, казалось бы, парадокс, когда, несмотря на распространённую критику деятельности транснациональных (многонациональных) корпораций как носителей гомогенизаторского начала, политика абсолютного большинства стран мира была направлена на создание наилучших условий для их привлечения в национальную экономику.

Вхождение мировой экономики в период развёртывания четвёртой промышленной революции положило *начало процессу создания принципиально иной ситуации, когда именно гуманитарное взаимодействие, а не сугубо экономические контакты, будут становиться главными гомогенизаторами*. В отличие от глобализации 2.0, глобализация 3.0 (по Фридману) делает *именно сетевые обмены в виртуальной среде основным механизмом взаимодействия, тогда как физические потоки товаров между странами могут замедляться*.

В рамках новейших процессов революции 4.0 *возникают цифровые технологии аддитивного производства (additive manufacturing), делающие возможными и значительно увеличивающие возможности локализации производства*, которое может становиться всё более индивидуализированным и направленным на удовлетворение специфических потребностей, которые формируются и модифицируются под влиянием местных условий.

Существующие сегодня исследования процессов международного производства доказывают, что влияние цифровизации может идти *в сторону сокращения глобальных цепей производства*. Процессы автоматизации производственных процессов обуславливают относительное уменьшение роли затрат труда на образование стоимости и тем самым *уменьшают мотивацию для переноса производства за границу по соображениям экономии затрат на оплату труда* и даже могут иметь следствием возврат

ранее офшоризованного производства в страну (reshoring). В то же время новейшие технологии могут существенно *модифицировать структурные параметры сетей создания добавленной стоимости*. Так, технологии аддитивного производства на основе 3-D принтеров будут предопределять прогрессирующее замещение поставок узлов и деталей на поставку услуг цифровой информации и программ организации соответствующего производства на местах; это будет определять *сокращение длины производственных цепей*. В условиях прогрессирующего замещения поставок материальных компонентов соответствующими обменов цифровыми данными реальной перспективой становится замещение обмена материальными компонентами на передачу по цифровым каналам виртуальных промышленных образцов и чертежей. Таким образом, длинные и сложные по структуре глобальные цепи создания стоимости будут отходить в прошлое: они *должны стать короче и географически более диверсифицированными на своих завершающих стадиях*.

С другой стороны, предоставление услуг в рамках становления цифровой экономики XXI века будет испытывать растущую тенденцию к глобализации (или региональной интернационализации), что может компенсировать потери в аспекте глобального товарного обращения. Однако этот компенсирующий глобализационный тренд не выглядит безусловным, ведь его существование во многом зависит от технологических, институциональных и даже политических условий функционирования глобальных сетей обменов услугами через виртуальную среду.

В условиях появления новых существенных рисков цифровой виртуальной среды и обусловленного этим внедрения более жёстких механизмов национального и регионального регулирования реальной становится *перспектива усиления фрагментации глобальной цифровой среды* (в частности, глобальной сети Интернет), что будет поддерживать тенденции к локализации на национальном или региональном уровне. В этом же направлении будет действовать тенденция к обострению геополитического противостояния, которая будет требовать усиления мер контроля за функционированием Интернет и различных международных сетей, которые становятся мощным инструментом ведения гибридных операций по влиянию на другие государства.

Обострение глобальной конкурентной борьбы и общее усиление международной нестабильности в условиях острого политического противостояния между великими державами смещает и ещё больше *будет смещать баланс между процессами глобализации и локализации в дуалистическом процессе глокализации в пользу процессов локализации, поскольку соображения безопасности всё чаще будут брать верх над соображениями экономической эффективности*.

Выводы

1. Хорошо известная в научной среде пирамида потребностей Маслоу модифицируется в условиях современных глобальных кризисных процессов и рисков безопасности. В этой связи необходимо смещение акцентов в экономической политике в направлении вопросов безопасности экономического развития.

2. Обострение глобальной конкурентной борьбы и общее усиление международной нестабильности в условиях острого политического противостояния между крупными государствами смещает и ещё больше будет смещать баланс между процессами глобализации и локализации в дуалистическом процессе глокализации в пользу процессов локализации, по-

сколькx сообщения безопасности всё чаще будут брать верх над сообщениями экономической эффективности.

3. Рост действия факторов глобальной нестабильности под влиянием глобальных угроз (климатические изменения, пандемии) и продемонстрированная за последний период малая эффективность глобальных ответов на эти глобальные угрозы, обусловленная отсутствием глобального консенсуса по ключевым проблемам современного развития, будут стимулировать к более локальным (национальным или региональным) подходам к нахождению ответов на новые вызовы.

4. Экспансия глобальных процессов может приводить к угнетению форм самоорганизации на локальном уровне, вызывать чрезмерные уровни концентрации и гомогенизации экономических процессов, что в свою очередь может создавать эндогенные риски в аспекте экономической безопасности из-за нарушения устойчивости локальных социально-экономических структур.

5. Нарастание глобальных рисков безопасности является прямым следствием обострения глобального соперничества за ресурсы и рынки в условиях кардинальных технологических и структурных сдвигов в мировом хозяйстве, связанных с четвёртой промышленной революцией и появлением альтернативных центров глобальной силы.

6. Новейшие цифровые технологии аддитивного производства делают возможной и значительно увеличивают возможности локализации производства, которое будет становиться всё более индивидуализированным и направленным на удовлетворение специфических потребностей, формирующихся и модифицирующихся под влиянием местных условий. Напротив, предоставление услуг в рамках становления цифровой экономики XXI века может, хотя и не обязательно, испытывать растущую тенденцию к глобализации (или региональной интернационализации).

7. В условиях появления новых рисков цифровой виртуальной среды и обусловленного этим национального и регионального регулирования реальной становится перспектива усиления фрагментации глобальной цифровой среды (в частности, глобальной сети Интернет) – что будет поддерживать тенденции к локализации.

Литература

1. Олійник, О. М. (2010а). Глокалізація: взаємодія глобального та локального: монографія. Запоріжжя: ЗНУ. 196 с.
2. Олійник, О. М. (2010b). Глокалізація як соціокультурний феномен: автореф. дис... канд. філос. наук: 09.00.03. Запоріжжя. 15 с.
3. Чугаєв, О.А. (2017). Глобальні виміри економічної сили країни: монографія. Київ: ВПЦ "Київський університет".
4. Шинковский, М. Ю. (2007). Глокализация как предмет научного исследования, *Вестник ТГЭУ*. № 4. С. 66–81.
5. Baldwin, R. (2016). *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. Belknap Press of Harvard University Press.
6. Baldwin, R. (21 January, 2019). Globalisation 1.0 and 2.0 helped the G7. Globalisation 3.0 helped India and China instead. What will Globalisation 4.0 do? *VOX, CEPR Policy Portal*. URL: <https://voxeu.org/content/globalisation-10-and-20-helped-g7-globalisation-30-helped-india-and-china-instead-what-will-globalisation-40-do>.
7. Balsa-Barreiro, J. et. al. (2020). Deglobalization in a hyper-connected world / José Balsa-Barreiro, Aymeric Vié, Alfredo J. Morales & Manuel Cebrián. *Palgrave Communications*. 6:28. 4 p. URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-020-0403-x>.
8. Bauman, Z. (1997). Glokalizacja, czyli komu globalizacja, a komu lokalizacja. *Studia Socjologiczne (W-wa)*, 3 (146), s. 53-69.
9. Bergeijk, van Peter A.G. (2010). *On the Brink of Deglobalization: An Alternative Perspective on the Causes of the World Trade Collapse*. Edward Elgar. 192 p.

10. Friedman, T. L. (2005). It's a Flat World, After All // *The New York Times Magazine*, April 3, 2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/04/03/magazine/its-a-flat-world-after-all.html>.
11. Friedman, T. L. (2005). *The World is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
12. García-Herrero, A. and J. Tan (2020). Deglobalisation in the context of United States-China decoupling. *Policy Contribution*, 2020/21. Bruegel. 16 p.
13. Glocalization. Britannica Online Encyclopedia, URL: <https://www.britannica.com/topic/glocalization/>
14. Goldsmith, E, Mander, J. (2003). *The Case Against the Global Economy and for a Turn Towards Localization*. London: Earthscan.
15. Hines, C. (2000). *Localization: A Global manifesto*. London and Sterling, VA: Earthscan. 290 p.
16. Khondker, H. H. (2005). Globalisation to Glocalization: A Conceptual Exploration. *Intellectual Discourse*, 13(2): 181–99.
17. Maslow, A. (1943). A theory of human motivation. *Psychological Review*. 50 (4): 370–96. <https://doi.org/10.1037/h0054346>
18. Maslow, A. (1954). *Motivation and personality*. New York, NY: Harper.
19. Palanivelu, G. (16 October, 2020). Deglobalization or an Evolution of Globalization? *Australian Institute of International Affairs*. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/deglocalisation-or-an-evolution-of-globalisation/>
20. Ritzer, G. (2003). Rethinking Globalization: Glocalization/Grobalization and Something/Nothing. *Sociological Theory*, 21(3), 193–209. Retrieved August 9, 2021 from <http://www.jstor.org/stable/3108635/> <https://doi.org/10.1111/1467-9558.00185/>
21. Ritzer, G. (2004/2006). *The Globalization of Nothing*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.
22. Robertson, R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage. 211 p. <https://doi.org/10.1177/026327692009001011>
23. Robertson, R. (2012). Globalisation or glocalisation? *The Journal of International Communication*, 18:2, 191-208, doi: 10.1080/13216597.2012.709925 (edited and modified online version: originally published in *The Journal of International Communication*, vol. 1, no. 1, 1994). <https://doi.org/10.1080/13216597.2012.709925>
24. Robertson, R. (2013). Situating glocalization: a relatively autobiographical intervention. In: Drori GS, Höllerer MA and Walgenbach P (eds.) *Global Themes and Local Variations in Organization and Management: Perspectives on Glocalization*. New York: Routledge, pp. 25–36.
25. Rodrik, D. (2008). *One Economics – Many Recipes*. Princeton and Oxford: Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvcvm4jbh>
26. Roudometof, V. (2016a). *Glocalization: A Critical Introduction*. – London and New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315858296>
27. Roudometof, V. (2016b). Theorizing glocalization: Three interpretations, *European Journal of Social Theory*, vol. 19(3), 391–408. <https://doi.org/10.1177/1368431015605443>
28. Schumacher E. F. (1993). *Small is Beautiful: A study of economics as if people mattered*. London: Vintage. (First published 1973).
29. Shuman M. H. (1998). *Going Local: Creating self-reliant communities in a global age*. New York: Free Press.
30. Sidenko, V. (2018). Global Structural Transformations and Trends in Ukrainian Economy: Part 2. Innovative Factors of Structural Change in the Context of the Forth Industrial Revolution. *Економіка і прогнозування*. № 2. С. 7–28. <https://doi.org/10.15407/eip2018.02.007>
31. Swyngedouw, E. (2004). Globalisation or 'glocalisation'? Networks, territories and rescaling, *Cambridge Review of International Affairs*, 17:1, 25–48, doi: 10.1080/0955757042000203632/

Поступление в редакцию 25 августа 2021

Прорецензировано 05 сентября 2021

Подписано к печати 30 сентября 2021

References

1. Oliinyk, O. M. (2010a). Glocalization: the interaction of global and local. Zaporizhzhia: ZNU [in Ukrainian].
2. Oliinyk, O. M. (2010b). Glocalization as a sociocultural phenomenon: author's ref. dis. ... cand. philos. science: 09.00.03. Zaporizhzhia [in Ukrainian].
3. Chuhaiev, O.A. (2017). Global dimensions of the country's economic strength. Kyiv: VPTs «Kyivskiy universytet» [in Ukrainian].
4. Shinkovskij, M. Ju. (2007). Glocalization as a subject of scientific research, *Vestnik TGJeU – TGEU Bulletin*, 4, 66-81 [in Russian].
5. Baldwin, R. (2016). *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. Belknap Press of Harvard University Press.
6. Baldwin, R. (21 January, 2019). Globalisation 1.0 and 2.0 helped the G7. Globalisation 3.0 helped India and China instead. What will Globalisation 4.0 do? *VOX, CEPR Policy Portal*. Retrieved

from <https://voxeu.org/content/globalisation-10-and-20-helped-g7-globalisation-30-helped-india-and-china-instead-what-will-globalisation-40-do>.

7. Balsa-Barreiro, J. et. al. (2020). Deglobalization in a hyper-connected world / José Balsa-Barreiro, Aymeric Vié, Alfredo J. Morales & Manuel Cebrián. *Palgrave Communications*, 6:28, 4. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-0403-x>

8. Bauman, Z. (1997). *Glocalizacja, czyli komu globalizacja, a komu lokalizacja*. *Studia Socjologiczne (W-wa)*, 3 (146), 53-69.

9. Bergeijk, van Peter A.G. (2010). On the Brink of Deglobalization: An Alternative Perspective on the Causes of the World Trade Collapse. Edward Elgar.

10. Friedman, T. L. (2005). It's a Flat World, After All // *The New York Times Magazine*, April 3, 2005. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2005/04/03/magazine/its-a-flat-world-after-all.html>.

11. Friedman, T. L. (2005). *The World is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

12. García-Herrero, A. and J. Tan (2020). Deglobalisation in the context of United States-China decoupling. *Policy Contribution*. Bruegel.

13. Glocalization. Britannica Online Encyclopedia. Retrieved from <https://www.britannica.com/topic/glocalization/>

14. Goldsmith, E, Mander, J. (2003). *The Case Against the Global Economy and for a Turn Towards Localization*. London: Earthscan.

15. Hines, C. (2000). *Localization: A Global manifesto*. London and Sterling, VA: Earthscan.

16. Khondker, H. H. (2005). Globalisation to Glocalization: A Conceptual Exploration. *Intellectual Discourse*, 13(2): 181-99.

17. Maslow, A. (1943). *A theory of human motivation*. *Psychological Review*. 50 (4): 370-96. <https://doi.org/10.1037/h0054346>

18. Maslow, A. (1954). *Motivation and personality*. New York, NY: Harper.

19. Palanivelu, G. (16 October, 2020). Deglobalization or an Evolution of Globalization? *Australian Institute of International Affairs*. Retrieved from <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/deglocalisation-or-an-evolution-of-globalisation/>

20. Ritzer, G. (2003). Rethinking Globalization: Glocalization/Globalization and Something/Nothing. *Sociological Theory*, 21(3), 193–209. <https://doi.org/10.1111/1467-9558.00185/>

21. Ritzer, G. (2004/2006). *The Globalization of Nothing*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.

22. Robertson, R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage. 211 p. <https://doi.org/10.1177/026327692009001011>

23. Robertson, R. (2012). Globalisation or glocalisation? *The Journal of International Communication*, 18:2, 191-208. <https://doi.org/10.1080/13216597.2012.709925> (edited and modified online version: originally published in *The Journal of International Communication*, 1994, vol. 1, no. 1). <https://doi.org/10.1080/13216597.2012.709925>

24. Robertson, R. (2013). Situating glocalization: a relatively autobiographical intervention. In: Drori GS, Höllerer MA and Walgenbach P (Eds.) *Global Themes and Local Variations in Organization and Management: Perspectives on Glocalization* (p. 25-36). New York: Routledge.

25. Rodrik, D. (2008). *One Economics – Many Recipes*. Princeton and Oxford: Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc4jhb>

26. Roudometof, V. (2016a). *Glocalization: A Critical Introduction*. London and New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315858296>

27. Roudometof, V. (2016b). Theorizing glocalization: Three interpretations, *European Journal of Social Theory*, 19(3), 391-408. <https://doi.org/10.1177/1368431015605443>

28. Schumacher E. F. (1993). *Small is Beautiful: A study of economics as if people mattered*. London: Vintage. (First published 1973).

29. Shuman M. H. (1998). *Going Local: Creating self-reliant communities in a global age*. New York: Free Press.

30. Sidenko, V. (2018). Global Structural Transformations and Trends in Ukrainian Economy: Part 2. Innovative Factors of Structural Change in the Context of the Forth Industrial Revolution. *Ekonom. prognozuvannâ – Economy and forecasting*, 2, 7-28. <https://doi.org/10.15407/eip2018.02.007> [in Ukrainian].

31. Swyngedouw, E. (2004). Globalisation or 'glocalisation'? Networks, territories and rescaling, *Cambridge Review of International Affairs*, 17:1, 25–48. <https://doi.org/10.1080/0955757042000203632/>

Received August 25, 2021

Reviewed September 5, 2021

Signed for printing on September 30, 2021